

Максим Кронгауз. Русский язык через 50 лет (2020)

Говоря о будущем языка, можно иметь в виду два принципиально разных взгляда. Один, социолингвистический, — это своего рода макровзгляд. Социолингвисты смотрят на язык в целом и исследуют, среди прочего, как он взаимодействует с другими языками. Языки конкурируют друг с другом, вытесняют друг друга, и можно прогнозировать развитие событий, то есть степень опасности, нависшей над языком. Второй взгляд обращен вовнутрь, на языковую систему, то есть на устройство языка. Лингвиста интересуют изменения в лексике, грамматике, синтаксисе, в том числе очень мелкие вещи: ударение в конкретном слове, глагольное и предложное управление и т. п. Это своего рода микровзгляд.

При макровзгляде на русский язык оказывается, что он вполне благополучен. Он устойчиво входит в десятку самых распространенных языков мира, как их ни считай: в качестве родного или по общему числу говорящих (т. е. как второй, третий и т. п. язык). На нем есть СМИ и «Википедия», образование и воспитание (детские сады, школы, университеты), литература и вывески.

И тем не менее в обществе бродят страшилки о судьбе русского языка. Основных таких страшилок две. Первая состоит в том, что английский язык, ставший мировым, через некоторое время вытеснит все остальные. Действительно, во многих странах, например в Швеции, Дании и некоторых других европейских странах, многие жители — чуть ли не большинство — билингвы.

Здесь надо оговориться, что есть два сценария вытеснения. В первом случае носители языка перестают говорить на родном языке и целиком переходят на английский. В названных странах этого не наблюдается. Английский доминирует лишь в определенных областях: в науке, бизнесе... В России, кстати, это тоже встречается, но в гораздо меньших масштабах: отчасти в науке, а в бизнесе, пожалуй, только в международных компаниях.

Полный переход на английский для России всё же невозможен. И здесь я еще раз повторю фразу, которую говорил уже много раз. У русского языка есть две опоры: великая русская литература и великая русская лень, которая мешает огромному количеству носителей выучить иностранный язык, что легко подтвердить цифрами. Так, по переписи населения 2010 года, русским языком владело почти 100% населения России (сейчас, по-видимому, меньше), а английским около 5,5% (сейчас, по-видимому, больше).

Второй сценарий вытеснения заключается в лингвистической диффузии, а проще говоря, в огромном количестве заимствований из английского языка. Это действительно происходит и в русском языке, но нельзя не признать, что русский язык замечательно справляется с этими заимствованиями, встраивая их в свою систему, например, порождая большое количество родственных слов (*лайк, лайкать, лайкнуть, лайкануть, полайкать, облайкать* и т. п. или *хайп, хайпить, хайповать, хайпануть, хайпужор, антихайп* и т. п.). 1990-е годы, период самого интенсивного заимствования английской лексики, показали, что русский язык, даже значительно меняясь, остается русским языком.

Вторая страшилка еще более фантастична. В ней тоже русский язык вытесняется мировым языком, но только в качестве мирового гипотетически рассматривается китайский, который в этой роли заменяет английский.

Эта страшилка почему-то страшнее первой. По-видимому, китайская цивилизация в целом воспринимается как очень далекая, то есть совсем чужая (в отличие, скажем, от европейской), а переход на китайский язык, таким образом, символизирует захват нас чужой культурой и, соответственно, цивилизацией.

Само предсказание основывается на том, что китайцев очень много. В списке самых распространенных языков (по числу говорящих как на родном) китайский с огромным отрывом занимает первое место. Кроме того, Китай очень успешен в экономическом

отношении, впрочем, «китайская угроза» существовала в народном сознании задолго до китайского экономического чуда.

Однако придется расстроить любителей хоррора. Этот сценарий крайне маловероятен, а если отбросить научные церемонии, просто невозможен.

Что же помешает китайскому языку вытеснить прочие языки или хотя бы стать главным мировым языком даже с учетом экономических и политических успехов? Прежде всего, его непохожесть на английский и другие европейские языки. В особенности это касается иероглифической письменности и фонетики, включающей тоны, с чем европейцам трудно справиться. Интересно, что в списке самых распространенных языков мира (но уже по числу говорящих) первое место китайского языка уже не бесспорно: его практически догоняет английский. А уж представить себе, что все русские люди за 50 лет выучат китайский и забудут русский, просто невозможно.

Невозможность серьезных лингвистических предсказаний на 50 лет вперед определяется тем, что судьба языка связана со множеством внеязыковых факторов: политикой, экономикой, культурой и, что часто недооценивается, техническим и научным прогрессом.

Итак, русский язык переживет нас. И это хорошая новость. Но он, конечно же, изменится. Однако на вопрос «как?» снова нет хорошего ответа. Иначе говоря, микровзгляд в будущее не просто сложен, но очень объемен, потому что тогда пришлось бы разбирать всё: от сдвига ударения в глаголе звонить до многозначности предлога на (на столе, на измене, на районе, на галстук и пр.) и судьбы упомянутых выше заимствований.

Впрочем, на один актуальный вопрос я все-таки отвечу. Через 50 лет мы всё еще будем склонять числительные (пусть хотя бы только в уме), и всё еще с ошибками. Некоторые тенденции в языке тоже бывают вечными. До встречи в 2070-м!

М. А. Кронгауз.

Максим Анисимович Кронгауз – советский и российский лингвист, доктор филологических наук, профессор РГГУ и НИУ ВШЭ, первый заместитель председателя Комиссии по развитию высшего образования и науки Общественной палаты РФ.